

Таким образом, на основе приведенных примеров можно констатировать, что числительное ингушского языка, являясь носителем количественного признака предмета, выполняет и синтаксическую функцию непосредственного выражения количественных отношений, квалифицирующихся как атрибутивные. Соответственно, числительное, как прилагательное и причастие, в ингушском языке приспособлено для выражения атрибутивных отношений [5].

Список литературы

1. Абдуллаев И. Х. Структурно-морфологические особенности количественных числительных в лакском языке / И. Х. Абдуллаев // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – Тбилиси, 1990. – Т. 27.
2. Вагапова Т. М. Образование отчислительных слов и словосочетаний в чеченском языке / Т. М. Вагапова // Вопросы лексики и лексико-грамматических категорий вайнахских языков. – Грозный, 1988.
3. Ибрагимова Г. О. Числительное даргинского языка / Г. О. Ибрагимова. – Махачкала, 2004.
4. Оздоев И. А. Числительные в чеченском и ингушском языках / И. А. Оздоев // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Грозный, 1966. – Т. 5, вып. 2. – (Языкознание).
5. Султыгова М. М. Имя числительное / М. М. Султыгова // Современный ингушский язык. Морфология. – Нальчик, 2012.

References

1. Abdullaev I. H. *Strukturno-morfologicheskie osobennosti kolichestvennyh chislitel'nyh v lakskom jazyke* [Structural-morphological characteristics of cardinal numbers in the Lak language]. *Ezhegodnik iberijsko-kavkazskogo jazykoznanija* [The Yearbook of the Iberian-Caucasian linguistics]. Tbilisi, 1990, vol. 27.
2. Vagapova T. M. *Obrazovanie otchislitel'nyh slov i slovosochetanj v chechenskom jazyke* [Education otchisleniya words and phrases in Chechen language]. *Voprosy leksiki i leksiko-grammaticheskikh kategorij vajnahskih jazykov* [Issues of vocabulary and lexico-grammatical categories of the Vainakh languages]. – Grozny, 1988.
3. Ibragimova G. O. *Chislitel'noe dargin'skogo jazyka* [Numeral dargwa language]. Makhachkala, 2004.
4. Ozdov I. A. *Chislitel'nye v chechenskom i ingushskom jazykah* [Numbers in Chechen and Ingush languages]. *Izvestija Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, jazyka i literatury* [News of the Chechen-Ingush research Institute of history, language and literature]. Grozny, 1966, vol. 5, issue 2. *Jazykoznanie* [Linguistics].
5. Sultygova M. M. *Imja chislitel'noe* [Enumerate]. *Sovremennyy ingushskij jazyk. Morfologija* [Modern Ingush language. Morphology]. Nalchik, 2012.

К ВОПРОСУ О НОВОЙ ТЕНДЕНЦИИ В НОРМИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (БРАЗИЛЬСКИЙ КОФЕ ИЛИ БРАЗИЛЬСКОЕ КОФЕ?)

Халидов Айса Идрисович, доктор филологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет, 364068, Россия, г. Грозный, пр. Х. Исаева, 62; Чеченский государственный университет, 364907, Россия, г. Грозный, ул. Шерипова, 32, e-mail: halidov_aisa@mail.ru.

В статье обосновывается мнение, что утвержденные известным приказом Министерства образования и науки РФ № 195 от 08 июня 2009 г. нововведения в нормировании русского литературного языка иначе, как нормотворчеством, направленным на обесценивание понятия «литературный

язык», по сути – уничтожение литературного (обработанного, нормированного) языка, назвать нельзя. В ранг литературной нормы возводятся уже не разговорные, а просторечные варианты произношения, грамматических форм. Уверения, что под эти нововведения подведена солидная научная база, не убеждают, и ярким примером слабости или отсутствия научной аргументации двойных или даже порой тройных «норм» употребления, например, различных форм, является рекомендация употреблять слово *кофе* и в мужском, и в среднем роде. Отказ от мужского рода и рекомендацию употреблять *кофе* только в среднем можно было бы приветствовать, но трудно понять, как языковеды могли фактически причислить его к двуродовым или существительным общего рода, к каковым не принадлежат и не могут принадлежать существительные не склоняемые, не принадлежащие к разрядам собственных и одушевленных.

Ключевые слова: литературный язык; норма; грамматическая норма; грамматический род; двуродовые слова; общий род; родовые варианты

ON THE ISSUE OF A NEW TREND IN STANDARDIZATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE (BRAZILIAN COFFEE (MASCULINE) OR BRAZILIAN COFFEE (NEUTER)?)

Khalidov Aysa I., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chechen State Pedagogical University, 364068, Russia, Grozny, 62 Ave. H. Isayev; Chechen State University, 364907, Russia, Grozny, 32 Sheripov st., e-mail: halidov_aisa@mail.ru.

Innovations in the standardization of the Russian literary language, approved by a well-known order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation № 195 of June 08, 2009, can only be called norm-setting. It is a tendency to devaluate the concept of "literary language", in fact – to destruction of literary (processed, standardized) language. Not only colloquial, but also vernacular variants of pronunciation of grammatical forms are raised to the rank of the literary norm. The assertion that there is a solid scientific basis for these innovations is not convincing, and a vivid example of the weakness or lack of scientific argumentation of double or even triple "norms" of use, for example, of various forms, is the recommendation to use the word "coffee" both in muscular and neuter gender. The rejection of the masculine gender and the recommendation to use coffee only in the neuter gender could be welcomed, but it is difficult to understand how the linguists (if they did participate in the decision-making on the four known dictionaries) could actually classify the indeclinable, not belonging to the category of personal and animate nouns, as bigender or nouns of a common gender, to which they can not belong. If for all that the linguists took part in this (we do not mean the authors of the dictionaries), then, apparently, the desire to please that part of society which, being unable to learn and observe the norms of the literary language, take advantages of the available levers to fit the literary language for their poor speech, prevailed.

Keywords: literary language; norm; grammatical norm; grammatical gender; bigender words; common gender; gender variants

Убежденность И.А. Бодуэна де Куртенэ [9, с. 220], В.В. Виноградова [2, с. 293] и всех других классиков российского языкознания в том, что язык сохраняется только благодаря практике использования нормированной речи, до недавних пор была общим не оспариваемым мнением, отраженным и в РГ-80: «Норма – свидетельство развитости и зрелости языка... Языковая норма – категория историческая» [2, с. 10]. Под литературным мы понимали язык, характеризующийся обработанностью, устойчивостью, нормированно-

стью, обязательностью норм для всех носителей языка, наличием функциональных стилей. В последнее десятилетия мы, однако, наблюдаем тенденцию не к обесцениванию даже, а к упразднению самого понятия «литературный» применительно к русскому языку. Если эти новые «нормы» вступят в полную силу – будут приняты на вооружение и в школе, и в обществе в целом, то в русском языке в скором времени, наверное, не останется ничего, к чему можно было бы применять понятие «литературный язык». Упомянутым выше приказом Минобрнауки РФ утвердило список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: 1. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 1288 с.; 2. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 794 с.; 3. Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 943 с.; 4. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 782 с. Приказ зарегистрирован менее чем через месяц, 6 августа 2009 г., Министерством юстиции РФ (регистрационный № 14483).

В предвидении спровоцированной реакции нас успокаивают тем, что 1) список еще неполный и будет пополняться, в том числе, возможно, и словарями и справочниками С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, В.В. Лопатина и др., 2) «норм», содержащихся в этих словарях, якобы должны придерживаться только в делопроизводстве, 3) отбор словарей, справочников и других материалов в дальнейшем будет производиться с участием пяти независимых образовательных и научно-образовательных учреждений – ИРЯ им. В.В. Виноградова, ИРЯ им. А.С. Пушкина, ИЛИ РАН, филологических факультетов МГУ и СпбГУ (с участием их представителей сделан отбор и перечисленных словарей), 4) не нужно опасаться, что утвержденные таким образом словари и справочники сразу поступят в школу и другие образовательные учреждения: словарь станет обязательным к использованию в них только после включения его в федеральный перечень, утверждаемый ежегодно министром образования – председателем той самой комиссии, составляющей список. Особенно впечатляет обещание, что список будет расширяться и в него могут попасть и более известные и авторитетные словари и справочники С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, В.В. Лопатина и другие. Но ведь в последних прописаны нормы, не «стыкующиеся» с вариантами перечисленных?!..

Настораживает уже то, что все четыре книги вышли в один и тот же (2008) год в одном и том же издательстве. Авторы, без сомнения, выполняли заказ, и хотелось бы думать, что это не был заказ на лишение русского литературного языка тех качеств, которыми он отличался многие десятилетия, – нормированности, упорядоченности, внятности сформулированных норм, отступление от которых бросалось в глаза и не приветствовалось в речи носителей русского языка со школьных лет. Все четыре книги были обсуждены на одном заседании Межведомственной комиссии по русскому языку (протокол от 29 апреля 2009 г. № 10) и приказ был подготовлен на основании ее рекомендаций. Межведомственная комиссия была создана приказом того же Минобрнауки № 124 от 02 декабря 2004 г. Председатель комиссии – министр А.А. Фурсенко. Самое непостижимое не только для меня, – то, что из четырех десятков членов комиссии примерно половина – известные не только в России языковеды, в том числе русисты (В.Г. Костомаров, В.А. Виноградов, С.И. Богданов, Л.А. Вербицкая, А.М. Молдован, А.Ф. Журавлев, Ю.Е. Прохоров, М.Л. Ремнева, И.И. Халеева, С.Г. Тер-Минасова). Трудно поверить, что в их присутствии и тем более с их согласия могли утвердить «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского ли-

тературного языка», в которых считается нормой вариантное произношение *по срЕдам – по средАм, договОр – договор, йОгурт – йогУрт, творОг – твОрог, звонИт и звОнит, асиммЕтрия – асимметрия, бАржа – баржА, апартамЕнты – апартАменты* («нормы» словаря И.Л. Резниченко), рекомендуется говорить *бомбардИровать* и *бомбардировАть*, существительное «кофе» можно употреблять и в мужском роде, и в среднем, «введены в норму» очень многие разговорные и некоторые просторечные варианты, и вместе с тем оставлены без внимания тоже многие, не менее частотные и распространенные, чем включенные в эти словари и справочники варианты. «Небезынтересен» и факт, что комиссию не заинтересовали известные словари русского языка, в том числе шведовско-ожеговский вариант наиболее популярного и используемого толкового словаря, удобный для пользователей тем, что он однотомный и, тем не менее, содержит основные сведения о наиболее употребительной лексике. В короткий перечень попал, правда, «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, первое издание которого относится к 1977 г. [7], но в нем как раз мы находим, как следовало ожидать, наименьшее количество «новых норм». В целом же рекомендуемые (точнее, навязываемые) словари удручают пренебрежением ко всем известным признакам литературного языка. *Обработанным* кем будет считаться язык, ориентированный даже на просторечие? О какой *устойчивости* можно говорить применительно к языку, нормы которого могут меняться с такой же легкостью, как это сделано в 2009 году? Можно ли говорить о *нормированности*, когда преобладают акцентные, морфологические, синтаксические *варианты*, взятые из разных сфер речи, включая просторечие? На какую *обязательность* рассчитывали авторы словарей и члены комиссии, заведомо зная, что найдется достаточно много носителей литературного русского языка, которые эти нормы не примут? Только с *наличием функциональных стилей* у них, видимо, получилось как нельзя «лучше»: включением разных произносительных и иных вариантов в качестве норм расширили круг самих стилей литературного языка – теперь, наверное, можно будет говорить о формировании (или уже сформированности) *просторечного стиля литературного языка*.

Хотелось бы узнать, на какие научные исследования опирались коллеги в комиссии и не коллеги (которых в комиссии большинство и которые, видимо, и влияли на окончательное решение). Вероятнее всего, на те, в которых идет речь о вариантах, различающихся стилистически, сферой употребления и пр. Если, скажем, комиссия откликнулась на мнение тех, кто высказывал недоумение по поводу *кофе* – единственного исключения из правила определения родопринадлежности несклоняемых вещественных существительных, поступила, безусловно, правильно, но мне не приходилось еще встречать работу, в которой автор *обосновал бы* правомерность отнесения этого слова к *двум* родам, включения его в слова с двойственной родовой принадлежностью или к словам общего рода. Вряд ли это решение было подсказано такими авторитетными исследователями проблемы грамматической вариативности и нормативности, как К.С. Горбачевич [4], Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская [6], Е.М. Лазуткина [10], у которых, насколько известно, подобного представления о вариативности норм литературного языка не было.

Видимо, на «вооружение» был взят тот факт, что «в современном русском языке допускается использование среднего рода при согласовании существительного «кофе» с прилагательными, личными глаголами в прошедшем времени, местоимениями, местоимениями и числительными», хотя, конечно, «в письменной ... речи предпочтительнее использовать мужской род как литературную норму» [11, с. 120]: значит, в устной речи будем говорить «кофе остыло», а писать «кофе остыл»? Т.И. Мицук приводит при этом полученные с помощью Национального корпуса русского языка данные, говорящие о следующем: «С помощью Национального корпуса русского языка уда-

лось отобрать примеры из 45 произведений 32 авторов: 20 литераторов в отобранных произведениях используют мужской род: А.Д. Кантемир, М.М. Херасков, Д.И. Фонвизин, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Фет, С.М. Соловьев, А.И. Куприн, М.И. Цветаева, А.В. Чаянов, К.С. Симонов, Б.Л. Пастернак, Ю.В. Бондарев, А.Н. Рыбаков, В.Т. Шаламов, В.С. Высоцкий; 8 литераторов – средний: Н.И. Новиков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Андрей Белый, А.Н. Толстой, А.Т. Аверченко, М.А. Булгаков, М.С. Шагинян, В.С. Гроссман; 4 согласуют как по мужскому роду, так и по среднему: Н.М. Карамзин, И.А. Бунин, В.В. Набоков, И.А. Бродский [11, с. 120]. Четыре таких авторитетных автора, употреблявших слово и в мужском, и в среднем роде, среди которых два нобелевских лауреата (заметьте при этом: трое это делали сто и более лет назад, когда с родопринадлежностью кофе не определились), позволяют говорить, что для языка художественной литературы это тоже характерно, но и это не убеждает в «двуродовости» кофе.

Для обзора и критики всех нововведений в решении вопросов акцентологической и грамматической нормы в приведенных словарях недостаточно даже предельного для журнальных статей объема, но убедить в их необоснованности и недостаточной продуманности можно на таком уроком примере, как отнесение к двум родам слова кофе.

«**Кóфе**, также **кóфей** (напр., у Л.Н. Толстого), впервые *кóфий*, 1724 г., Уст. морск.; ... Из англ. coffee или голл. koffie – то же (=kófi)... Источником европейских слов является араб. qahwa» [13, с. 355]. От своего предположения о возможности заимствования из голландского через французский [14, с. 34] должен отказаться, так как во французском кофе – café с характерным французским окончательным ударением, которое тоже должно было перейти в русский язык (к тому же нужно учесть, что русский язык в этот период, в начале XVIII в., значительно менее активно заимствовал лексику из голландского и английского языков, чем из французского). В русский язык слово, видимо, действительно пришло из голландского, хотя вряд ли можно быть очень уверенными, что голландцы (и вообще европейцы) заимствовали его именно из арабского. В арабском qahwa – название одного из видов вина, а в Эфиопии, родине кофейного дерева, откуда (из местности *Каффа*) предположительно продукт попал в Европу, его название другое – bippa/bupo, из чего можно вывести, что продукт назван так европейцами по местности, а не местному названию самого плода. Поэтому не лишена основания и этимологическая версия, связывающая кофе с турецк. kahve. Впрочем, в контексте нашей проблемы этимология кофе в голландском не настолько важна, важнее то, что если мужской род кофе в русском языке трудно *мотивировать* (о трудности мотивации писал Л.Л. Буланин: «Так, к словам мужского рода принадлежат *пенальти* (одиннадцатиметровый штрафной удар), кофе (здесь мужской род трудно мотивировать; ср. слово *какао* среднего рода)»: [1, с. 45]), его можно *объяснить* [14, с. 37], чего, видимо, не учли коллеги, причисляя это существительное к двуродовым.

Мотивировать отнесение кофе к мужскому роду без обращения к его этимологии и истории освоения в русском языке действительно нельзя. М. Фасмер отмечает (см. выше), что слово начало употребляться в русской речи с 1724 г. (к сожалению, не называет источник) и вначале было заимствовано в виде *кофий*, а затем появился и вариант *кофей*. Уже в XVIII в. этот напиток становится все более «модным» среди дворян, особенно петербургских, и знаменательно, что пили они его по-турецки – из маленьких чашек и запивая холодной водой или смешивая с холодной водой (это косвенное указание на то, что в европейских языках слово могло быть турецкого происхождения: турки до сих пор смешивают). А в следующем веке кофе стал неотъемлемой частью утреннего меню дворян, о чем свидетельствует употребление его названия в литературе. Слово *кофий* встречаем, например, у Г. Дер-

жавина: *А я, проспавши до полудня, Курю табак и кофий пью* (Г. Державин, «Фелица»). Любивший этот напиток А.С. Пушкин часто употреблял *кофей*, реже *кофий*, но уже иногда и *кофе*: *Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов* (Письмо жене, 30 октября 1833 г.); *Здесь почивал он, кофей кушал, Приказчика доклады слушал, Играть изволил в дурачки* («Евгений Онегин»). У Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого обычен вариант кофий: *Как только занималась заря... они уже сидели за столиком и пили кофий* (Гоголь, «Старосветские помещики»); Ф.М. Достоевский предпочитал *кофей*. У отдельных авторов (О. Манделъштама, например) *кофий* встречается и в XX в.

Однако современный вариант – *кофе* был употребителен почти с самого появления напитка в быту и слова в языке. *Кофе* встречаем, например, у Д.И. Фонвизина: «Я спросил кофе, который мне тотчас и подали. Таких мерзких помой я отроду не видывал – прямо рвотное» (Д.И. Фонвизин, «К родным»). Именно вариант *кофе* мы встречаем и у Н.М. Карамзина (1793 г.), но (заметим) в среднем роде: «Зато мы с италиянцем пьем в день чашек по десяти кофе, которое везде находили» («Письма русского путешественника»). Наряду с *кофей* или *кофий* вариант *кофе* появляется у писателей (К. Батюшкова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова и др.) и впоследствии: *Не будешь в золоте ходить, Но будешь без труда на рифмах говорить, Друзей любить И кофе жирный пить!* (К. Батюшков, «Чутьем поэзию любя...»); *Певцу Гюльнаны подражая, Сей Гелеспонт переплывал, Потом свой кофе выпивал...* (А. Пушкин, «Евгений Онегин»). Мужской род *кофей* и *кофий* был, без сомнения, мотивированным: неодушевленные (и одушевленные) существительные на **-ий/-ей** в русском языке принадлежат к мужскому роду – *семинарий, опий, амфибрахий, лекторий, санаторий, профилакторий, лепрозорий, крематорий, гербарий; музей, юбилей, улей, репей, порей, пырей, клей*. Имеется в виду, конечно, мотивированность грамматическая (морфологическая), так как о семантической мотивированности в сфере существительных неодушевленных речь не идет. При употреблении же *кофе* с самого начала заимствования этого слова ни у употреблявших его писателей, ни у лингвистов не было единства в понимании его родовой принадлежности: ср. приведенные выше примеры из Д.И. Фонвизина («*кофе, который мне подали*») и Н.М. Карамзина («*кофе, которое везде находили*»). Причем в разных родах это слово мог употребить один и тот же автор. У Н.М. Карамзина находим, например, в том же тексте и употребление *кофе* в мужском роде: *...Еще гуляю, возвращаюсь домой, пью с густыми сливками кофе, который варит мне хозяйка моя...*

В XIX в., следовательно, неопределенность была с вариантом *кофе*, относимым и к среднему роду, и к мужскому: к среднему роду по утвердившемуся правилу включать в него все несклоняемые неодушевленные и не собственные имена, к мужскому по аналогии с *кофей* и *кофий*. С утерей *кофей* и *кофий* в прошлом веке следовало определиться и с *кофе*, но это не было сделано – единственная для двух других вариантов и одна из двух для самого слова *кофе* родопринадлежность – мужской род – была закреплена за *кофе*, хотя немотивированность и абсурдность такого исключения осознавалась даже школьниками. Тем не менее, слово *кофе* в мужском роде *перешло* в наш век.

И вот, наконец, решение принято. Но то ли, которое следовало? Можно было бы только приветствовать, если бы рекомендовали употреблять слово только в среднем роде (*бразильское кофе*), но трудно согласиться с его отношением к двум родам. И трудно поверить, что оба рода за *кофе* закрепили лингвисты, входящие в Межведомственную комиссию. К какой же группе его в таком случае относят? В общем роде не может быть вещественного существительного, как, впрочем, вообще не может быть несклоняемых существительных. Двуродовыми несклоняемыми могут быть только имена собствен-

ные, причем не все, а только одушевленные (личные) типа *Остапенко*, *Гаприндашвили*, *Тосканини* и др. О вариантах родовых форм нельзя говорить ввиду отсутствия самих форм.

История слова *кофе*, как и критерии и признаки, по которым определяется род существительных (несклоняемых и склоняемых), многим языковедам хорошо известна, поэтому не вдаюсь в детали. Пример с этим словом использован, чтобы показать, как далеко могут уйти от науки некоторые наши коллеги в своем стремлении угодить части общества, которая, будучи неспособна усвоить и соблюдать нормы литературного языка, использует имеющиеся у нее рычаги, чтобы подогнать сам литературный язык под свою убогую речь.

Список литературы

1. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии : пос. для учителей / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
2. Виноградов В. В. Литературный язык / В. В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1981. – 208 с.
4. Горбачевич К. С. Зоны вариантности слов и нормы русского литературного языка / К. С. Горбачевич // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 77–86.
5. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М. : Наука, 1980. – 280 с.
6. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : Наука, 1976. – 456 с.
7. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Русский язык, 1977. – 880 с.
8. Ицкович В. А. Языковая норма / В. А. Ицкович. – М. : Просвещение, 1968. – 93 с.
9. Куртене Бодуэн де И.А. Избранные работы по общему языкознанию / Бодуэн де И.А. Куртене. – М., 1963. – Т. 2. – 391 с.
10. Лазуткина Е. М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка / Е. М. Лазуткина // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 1. – С. 223–329.
11. Мицук Т. И. История согласования по роду существительного «кофе» в XIX–XX вв. / Т. И. Мицук // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 5 (4). – С. 110–122.
12. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд. стереот. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.
14. Халидов А. И. Морфология современного русского языка / А. И. Халидов. – Грозный : ЧГУ, 1998. – Ч. 2. – 151 с.

References

1. Bulanin L. L. *Trudnye voprosy morfologii* [Difficult questions of morphology]. Moscow, Prosveshhenie publ., 1976, 207 p.
2. Vinogradov V. V. *Literaturnyj jazyk* [Literary language]. *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo jazyka* [Selected works. The history of the Russian literary language]. Moscow, Nauka publ., 1978, 320 p.
3. Gorbachevich K. S. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [The norms of modern Russian literary language]. Moscow, Prosveshhenie publ., 1981, 208 p.

4. Gorbachevich K. S. *Zony variantnosti slov i normy russkogo literaturnogo jazyka* [Zone variability of words and the norms of the Russian literary language]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], 1974, no. 5, pp. 77–86.
5. Graudina L. K. *Voprosy normalizacii russkogo jazyka: Grammatika i varianty* [Questions of normalization of the Russian language: Grammar and variants]. Moscow, Nauka publ., 1980, 280 p.
6. Graudina L. K., Ickovich V. A., Katlinskaja L. P. *Grammaticheskaja pravil'nost' russkoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarja variantov* [The grammatical correctness of Russian speech. Experience frequency dictionary of stylistic variants]. Moscow, Nauka publ., 1976, 456 p.
7. Zaloznjak A. A. *Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka: Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language: Inflection]. Moscow, Russkij jazyk publ., 1977, 880 p.
8. Ickovich V. A. *Jazykovaja norma* [Language norm]. Moscow, Prosveshhenie publ., 1968, 93 p.
9. Kurtene Bodujen de I.A. *Izbrannye raboty po obshhemu jazykoznaniju* [Selected works on General linguistics]. Moscow, 1963, vol. 2, 391 p.
10. Lazutkina E. M. *Variativnost' v sisteme grammaticheskikh norm sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [The variability in the system of grammatical norms of modern Russian literary language]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of Institute of Russian language named after V. V. Vinogradov], 2014, no. 1, pp. 223–329.
11. Micuk T. I. *Istorija soglasovanija po rodu sushhestvitel'nogo «kofe» v XIX–XX vv.* [The history of approvals by the nature of the noun "coffee" in the XIX–XX centuries]. *Lingua mobilis*, 2014, no. 5 (4), pp. 110–122.
12. *Russkaja grammatika: in 2 vol.* [Russian grammar: in 2 vol.]. Moscow, Nauka publ., 1982, vol. 1, 783 p.
13. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: in 4 vol.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. 2nd ed. Moscow, Progress publ., 1986, vol. 2, 671 p.
14. Halidov A. I. *Morfologija sovremennogo russkogo jazyka* [Morphology of modern Russian language]. Grozny, ChGU publ., 1998, ch. 2, 151 p.

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ПОДХОДА К МЫШЛЕНИЮ И К МЕНТАЛЬНОМУ ПРОСТРАНСТВУ ЯЗЫКА

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, e-mail: ren@phil.kubsu.ru.

Тхакушинова Жаннета Беслановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Кубанский государственный аграрный университет, 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, e-mail: jannetb777@gmail.com.

В статье делается краткий экскурс в историю изучения мышления от Декарта до наших дней с акцентом на позиции современной когнитивистики. Прослеживается объединение лингвистических знаний с данными философии, социологии, психологии. Разделяя точку зрения ученых о разграничении концептов и конструктов, авторы предлагают изучать мышление в лингвистике именно как конструкт.

Ключевые слова: ментальное пространство языка, мышление, концепт, конструкт